

02788

Борисъ Верхоустиинскій.

МАЛЕНЬКІЙ БАРАБАНЩИКЪ.

Разсказъ.

Трамъ!.. Та-ра-рамъ! Тара-рамъ! Тара-рамъ!

Митя выходитъ изъ дѣтской. На его головѣ картонная серебряная каска, за спиной—ружье, спереди—барабанъ. Трамъ! Та-ра-рамъ! Тара-рамъ!

Митя идетъ къ отцу въ кабинетъ.

— Папа, сдѣлай мнѣ длинную трубу, я буду стоять около твоей двери и трубить. Я хорошо умѣю трубить.

Трамъ!.. Та-ра-рамъ! Тара-рамъ!

Митя садится верхомъ на колѣно къ отцу.

— Покатай меня! Гопъ! Гопъ!.. Папа, ты уѣзжаешь на войну? Мнѣ сказала няня. Возьми и меня съ собой. Отецъ улыбается:

— На войну маленькихъ дѣтей не берутъ.

Митя задумчиво разсматриваетъ черные усы отца.

— А у тебя ружье есть?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Я—офицеръ.

— А сабля?

— Будетъ.

— Острая?

— Да.

Митя подпрыгиваетъ на колѣнѣ отца, золотистыя кудряшки волосъ встряхиваются, рассыпаются по кружевному воротнику бархатной курточки. Гопъ! Гопъ!

— А съ кѣмъ же ты будешь воевать?

— Съ нѣмцами.

— Это которые колбасу и булочки продаютъ?

Ты имъ будешь головы отрубать?

— Буду, а то они мнѣ отрубятъ.

— А развѣ люди безъ головы умѣютъ жить?

— Нѣтъ, умираютъ.

— И ихъ тогда закопаютъ въ могилку, какъ бабушку?

Отецъ не отвѣчаетъ, но Митя знаетъ и самъ. Онъ соскакиваетъ съ колѣна отца, возвращается въ дѣтскую.

Трамъ-та-та-рамъ! Тара-рамъ! Въ дѣтской много хорошихъ игрушекъ: паровозъ съ вагончиками—бѣгаетъ по рельсамъ и свиститъ; Иванушка-Дурачекъ, большущая кукла въ черныхъ клеенчатыхъ саночкахъ, въ красной рубахѣ, опоясанной золотымъ пояскомъ; лицо Иванушки-Дурачка бѣло-румяное, на головѣ кучерская шапка; еще есть лошадь съ мочальнымъ хвостомъ, корова, телѣжка, кубики и оловянные солдаты. Но оловянныхъ солдатъ для игры въ войну мало, и Митя выпрашиваетъ у мамы ящикъ съ боченками—лото.

Трамъ!.. Та-ра-рамъ! Тара-рамъ! Тара-рамъ!

Ящикъ открывается, на коверъ падаютъ пузатые боченки, будущіе солдаты.

Митя командуетъ:

— Кто боится воевать, пусть остается дома. Кто боится воевать?

Пузатые, номерованные солдаты не отвѣчаютъ. Храбрецы!

Трамъ!.. Та-ра-рамъ! Тара-рамъ!.. Митя ставитъ боченки на полу двумя кучками поровну: справа—нѣмцы, слѣва—русскіе. Верхушки нѣмцевъ онъ закрашиваетъ синимъ карандашомъ, а русскихъ не закрашиваетъ; на русскихъ офицерахъ онъ рисуетъ красные кресты, на нѣмецкихъ—синіе, чтобы отличить.

Трамъ!.. Та-ра-рамъ! Тара-рамъ! Тара-рамъ! Война объявлена. Изъ кубиковъ Митя строитъ двѣ крѣпости, русскую и нѣмецкую, со стѣнъ каждой угрожающе смотрятъ жестяныя пушки, стрѣляющія горехомъ. Но гдѣ же пики, сабли, кинжалы и штыки, наносящіе кровавыя раны, убивающіе солдатъ? Ого!

3831

Митины армии превосходно вооружены: въ двухъ ручкахъ, черной и бѣлой, по стальному перу: черная ручка—оружіе нѣмцевъ, бѣлая—русскихъ. Ура! Никому не будетъ пощады.

Трамъ-та-ра-рамъ! Трамъ-тара-рамъ!.. Сталкиваются передовые отряды: десятокъ смѣльчаковъ-нѣмцевъ приближается къ русскимъ кордонамъ. Бацъ! Бацъ! Пли! Завязывается отчаянная перестрѣлка: въ нѣмцевъ летитъ бѣлая ручка, въ русскихъ—черная, перья вонзаются, боченки падаютъ, пораженные на смерть. Ужасная битва!

* * *

Митя съ мамой провожаетъ уѣзжающаго отца.

На вокзалѣ множество солдатъ; у нихъ настоящія ружья, лопаты и какія-то бѣлыя палочки. Неужели они будутъ и палками воевать? Митя хочетъ спросить отца, но боится, отецъ словно чужой, одѣтъ по-новому—съ саблей, съ револьверомъ въ кобуру, зеленая фуражка.

— Зачѣмъ на тебѣ, папа, такое? Останься, папа, не ѣзди воевать. Останься же!

Отецъ беретъ Митю на руки и цѣлуетъ. Кто-то звенитъ въ колоколь. Плачетъ женщина, обнимая худощаваго солдата.

— Ура!—вскрикиваетъ человекъ въ котелкѣ.

— Ур-ра!—подхватываетъ толпа.

Опять гремитъ колоколь, солдаты разсаживаются по вагонамъ. На огромныхъ бѣлыхъ часахъ медленно передвигается черная стрѣлка.

Отецъ цѣлуетъ мать, она плачетъ, ея любовь морщится. Митя тоже хочетъ заплакать, но его внимание отвлекаетъ группа людей съ красными крестами на рукавахъ.

— Папа, это—раненые?

Отецъ не слышитъ, говоритъ матери:

— Если меня усяютъ, то я вѣдь умру за родину. Не плачь. Погибнуть на полѣ битвы—завидная участь.

Опять звенитъ мѣдный колоколь, черная стрѣлка

ка опускается все ниже Свиститъ паровозъ. Отецъ обнимаетъ Митю въ послѣдній разъ и становится на площадку вагона.

— Будь умнымъ, сынокъ, не огорчай мамы.

— А тебя, папа, не убьютъ?

Поездъ трогается.

— Ура! Ура!

— Смерть нѣмцамъ!

— Счастливаго пути, родимые!

Въ воздухѣ мелькаютъ носовые платки и шляпы. Митя тоже машетъ своею шляпой, кричитъ:

— Прощай, папа! Прощай! Прощай!

Поездъ скрывается изъ вида. Митя надѣваетъ на голову шляпу и возвращается съ матерью домой.

Дома онъ дѣлаетъ изъ синей бумаги палатки для нѣмцевъ, а изъ бѣлой—для русскихъ, и разговариваетъ съ Иванушкой-Дурачкомъ:

— Мой папа уѣхалъ на войну.

Иванушка-Дурачекъ улыбается.

— Мой папа будетъ отрубать нѣмцамъ головы, а то они ему отрубятъ.

Митя бьетъ въ барабанъ. Трамъ-та-ра-рамъ! Тара-рамъ! Та-ра-рамъ! Боченки-нѣмцы выступаютъ въ походъ, они надвигаются густыми колоннами по четыре въ рядъ, съ нѣмецкой крѣпости сняты пушки, поставлены впереди нѣмецкаго войска. Пли! Пли!—ядра мѣтко поражаютъ русскихъ, славныя пушки у нѣмцевъ, но вотъ палятся оловянные казаки, съ пиками на-перевѣсъ врѣзаются въ нѣмецкіе ряды—мелькаетъ бѣлая ручка, стальное перо втыкается въ пузатые боченки, нѣмцы падаютъ, стонутъ, умираютъ.

— Впередъ!—кричитъ нѣмецкій офицеръ, но стальное копье вонзается въ его голову, онъ валится, его солдаты бѣгутъ, не выдержавъ натиска казаковъ. Нѣмецкія пушки откатываются къ крѣпости, трещитъ барабанъ: трамъ-та-та-тамъ-та-та-тамъ!

Захвативъ нѣсколько плѣнныхъ, казаки возвращаются въ русскую крѣпость. Митя разговариваетъ съ Иванушкой-Дурачкомъ:

— Здорово нѣмцы побѣждали?

Иванушка-Дурачекъ вѣжливо улыбается.

— Сегодня больше не будетъ войны. Ты смотри, чтобы они не подрались.

Митя кладетъ куклу между враждующими арміями—Иванушка, словно богатырь, лежитъ съ открытыми глазами и улыбаясь слѣдитъ за порядкомъ.

На завтра бой возобновляется, стальные перья безжалостно вонзаются въ деревянные тѣла.

Трамъ-та-та-тамъ! Трамъ-та-та-тамъ!

Митя сажаетъ Иванушку-Дурачка на стулъ и разговариваетъ съ нимъ:

— А солдатомъ больно быть, у меня перья-то острия.

Кукла улыбается.

— Если моего папу ударятъ саблей, ему тоже будетъ больно.

Митя, не долго думая, разрѣшаетъ крѣпости, раскидываетъ по комнатамъ пушки, а пузатые боченки складываетъ въ ящикъ, откуда онъ ихъ досталъ. Пусть лежатъ.

Онъ идетъ къ матери и отдаетъ ей ящикъ:

— Спрячь, мама, я не хочу больше съ ними играть. Дай мнѣ денегъ, мама, я уѣду къ папѣ на войну, а то его безъ меня тамъ обидятъ... А почему, мама, у нѣмцевъ не отнимутъ пушекъ, чтобы они не стрѣляли, и не сломаютъ сабель?

Мама отвѣчаетъ:

— Нѣмцы не хотятъ отдавать, нужно у нихъ отнять, а для того нужно съ ними драться.

Митя говоритъ:

— Приготовь же мнѣ, мама, новый костюмчикъ, я тоже поѣду воевать.

Мать смѣется, но Митя упорно стоитъ на своемъ. Спать онъ ложится съ плачемъ.

Ночью въ дѣтской горитъ лампочка — голубой абажуръ; за стѣною потикиваютъ часы, какъ будто открывается какая-то дверца, вылѣзаютъ изъ нея старички и старушки, закрываются опять — старички разбѣгаются по комнатамъ, скрипятъ половицами, подслушиваютъ, что дѣлается въ домѣ, перешептываются.

Митя поднимаетъ голову съ подушки, озирается по сторонамъ. Няня крѣпко спитъ, Иванушка-Дурачекъ сидитъ на стулѣ и улыбается.

Митѣ страшно: если нѣмцы отрубятъ папѣ голову, онъ не вернется домой, не посадитъ на колѣно, не расскажетъ сказки.

Митя одѣвается, беретъ Иванушку-Дурачка въ одну руку, а въ другую — ружье и на цыпочкахъ выходитъ изъ дѣтской.

Какой длинный темный корридоръ. Митя крѣпче сжимаетъ ружье. Вдругъ откуда ни возьмись выскочить людоѣдъ и съѣсть. Людоѣды съ большими животами и въ красныхъ штанахъ.

Еле дыша, Митя доходитъ до двери, открываетъ задвижку, выходитъ на лѣстницу, освѣщенную тусклою лампой. Теперь только бы выбраться на улицу.

Онъ спускается по лѣстницѣ, выходная дверь заперта, — не открыть.

Митя садится на табуретъ, Иванушка-Дурачекъ прижатъ къ груди и, какъ всегда, улыбается.

— Тебѣ холодно?

Иванушка-Дурачекъ молчитъ.

Митя разстегиваетъ свою курточку и прикрываетъ куклу, чтобы она не озябла. Прислонившись къ стѣнѣ, онъ засыпаетъ, видитъ страшный сонъ, будто бы бѣжитъ съ папою по пыльной дорогѣ, а кругомъ шипятъ змѣи, прыгаютъ тигры и львы, шелкаютъ зубами, сейчасъ-сейчасъ схватятъ, разорвутъ.

— Папа! Папа! — между Митей и отцомъ появляется людоѣдъ. Глаза, словно тарелки, голова больше прачечнаго котла, штаны красные. Размахнувшись дубиной, людоѣдъ ударяетъ ею Митю по плечу. — Папа! — вскрикиваетъ онъ и просыпается.

Предъ нимъ стоитъ швейцаръ, Иванушка-Дурачекъ валяется на полу, животомъ къверху.

Митя поднимаетъ куклу съ пола.

— Ты его уронилъ? Открой дверь.

— Да ты, Митя, куда собрался-то?

— Къ папѣ на войну.

— Ай-ай! — качаетъ головой швейцаръ: — убѣжалъ, стало быть? Пойдемъ, я отведу къ мамочкѣ, а то онъ забеспокоится.

— Открой мнѣ дверь! — настойчиво повторяетъ Митя, — я не хочу, чтобы моего папу убивали.

Швейцаръ, не открывъ двери, уходитъ наверхъ и возвращается съ перепуганной няней.

— Митя! Да ты что же дѣлаешь-то, озорной?! Никакъ ночевалъ на лѣстницѣ. Пойдемъ скорѣе, пока мамочка не проснулась.

Она беретъ упирающагося мальчика на руки и уно-

Купина

силь. Митя плачетъ, Иванушка-Дурачекъ ухмыляется.

— Пусти меня! Отпусти же! Я не хочу, чтобы моего папу убивали!

Нянька приноситъ Митю въ дѣтскую, тутъ онъ вспоминаетъ ночные страхи и сквозь слезы спрашиваетъ:

— Няня, а на войнѣ есть людоѣды?

— Какіе людоѣды?

— Большущіе, въ красныхъ штанахъ. Я на картинкѣ видѣлъ. Я, няня, посплю молочка съ булочкой и уѣду воевать.

Няня моетъ ему лицо, причесываетъ волосы. Онъ прицѣпляетъ барабанъ, идетъ къ матери. Трамъ-та-та-трамъ! Та-та-трамъ! Людоѣды существуютъ, они по ночамъ бродятъ въ темномъ корридорѣ. Нѣтъ, Митя не поѣдетъ на войну: съ нѣмцами справится и папа, а Митя будетъ охранять домъ.

Онъ снимаетъ ружье съ плеча, становится у маминой комнаты.

Трамъ-та-та-трамъ! Та-та-трамъ!

Выходитъ мать.

— Ты уже всталъ, Митя? Что ты тутъ дѣлаешь?

Онъ нахмурился говорить:

— Я тебя стерегу. Ты, мама, не бойся, я тебя не дамъ никому обидѣть!

Отдавъ ей ружьемъ честь, онъ смотритъ въ корридоръ и готовъ сражаться со всѣми чудовищами.

Трамъ-та-ра-рамъ! Тара-рамъ! — барабанъ гремитъ угрожающе.

Б. Верхоустинскій.